

В.В. Кочетков, Е.Н. Грачиков*

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ИСТОЧНИК «МЯГКОЙ СИЛЫ» КИТАЯ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Концепция «мягкой силы», предложенная американским политологом Дж. Наем для обоснования и укрепления лидерства США на международной арене, приобрела широкую популярность и в других странах. В частности, она активно используется для характеристики внешней политики КНР. Данная статья посвящена изучению уникальной китайской национальной идентичности, которая, по мнению авторов, является одной из главных основ «мягкой силы» Китая. Статья начинается с рассмотрения общих подходов к изучению феномена «национальной идентичности», способов и механизмов ее формирования, основных видов и проявлений. Затем авторы обращаются к анализу основных особенностей китайской идентичности: языковых (в частности, роли иероглифической письменности в формировании китайского менталитета); природно-географических; политико-философских (особое внимание уделяется конфуцианству и легизму). Проведенное исследование позволило выделить такие черты китайского менталитета, как эгоизм и китаецентризм, аскетизм, общинность, прагматизм. Подобные качества присущи и внешней политике Китая, придают ей глубину и «мягкую силу».

Ключевые слова: Китай, КНР, «мягкая сила», внешняя политика, национальная идентичность, менталитет, китаецентризм, конфуцианство, легизм, «значимый Другой».

Концепция «мягкой силы» американского политолога Джозефа Ная, впервые сформулированная им 24 года назад [Nye, 1990: 167], прочно вошла в теорию международных отношений. Сам Дж. Най определяет «мягкую силу» как «способность влиять на других по-

* *Кочетков Владимир Викторович* — доктор социологических наук, профессор кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vkochetkov58@mail.ru); *Грачиков Евгений Николаевич* — кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: egrachikov@gmail.com).

** Статья выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2427.2014.6).

средством сотрудничества в формировании программы действий, убеждения и оказания позитивного привлекательного воздействия для достижения желаемых результатов» [Nye, 2011: 20–21]. Таким образом, Дж. Най, выступил против нарастания «жесткого» компонента в американской политике за рубежом, попытался найти некие альтернативы, которые он сформулировал в идее о «мягкой силе» государства. И хотя можно утверждать, что попытки Дж. Наю придать внешней политике США более «мягкий», благообразный вид оказались безуспешными, свидетельством чего стали интервенции США в Югославию, Ирак, Ливию, провоцирование гражданских войн в Сирии и Украине, недавние экономические санкции в отношении России, новая концепция прочно вошла в политический лексикон многих правительств. Многие страны, которые никогда не вмешивались в дела других суверенных государств, никогда не имели за рубежом ни одного солдата, внешняя политика которых вряд ли подпадала под категорию «жесткой», стали активно продвигать американскую концепцию «мягкой силы» как необходимое, своевременное и модное средство создания позитивного имиджа своей страны.

В соответствии с различными рейтингами «мягкой силы», например рейтингом корпорации RAND [Treverton, Jones, 2005], в настоящее время государством, обладающим наибольшей «мягкой силой», являются США. Американская модель «мягкой силы» основывается, согласно Дж. Наю, на привлекательности американской культуры и американского образа жизни. Америка, бесспорно, лидирует по количеству принимаемых эмигрантов, объему производимой информации, количеству иностранных студентов и нобелевских лауреатов в области физики, химии и экономики. Многих привлекают политическая система США, равенство возможностей, «американская мечта».

Другой страной, «мягкая сила» которой приобретает все большее влияние в современном мире, является Китай. Эта страна обращает на себя внимание экономическими успехами и тысячелетними традициями. Конфуцианская идентичность, которая в свое время привела к отставанию Китая в развитии, сегодня делает его эффективным. Конфуцианские ценности, такие как коллективизм, гармония, «золотая середина», «непротиворечивое единство», мягкая ненасильственность, на наш взгляд, в большей степени подходят современному нестабильному миру, чем западные индивидуализм, агрессивность, либеральная демократия, консюмеризм в быту, двойные стандарты в политике.

КНР практически не применяет «жесткой силы» на международной арене. Только в декабре 2008 г. впервые за 600 лет Китай направил группу боевых кораблей для патрулирования прибреж-

ных вод Сомали. Сильной стороной китайского подхода к «мягкой силе» является его принципиальная ненавязчивость, акцент на невмешательство в чужие дела, уважение к чужому суверенитету и самобытности, желание создать гармоничный справедливый миропорядок, который бы не ущемлял ничьих интересов и способствовал развитию каждого через равномерное развитие всех. К.И. Косачев указывает на два отличия китайской версии «мягкой силы» от американской. Во-первых, китайская «мягкая сила» адресована государствам, а американская — индивидам. Во-вторых, китайская версия адресована довольным, а американская — недовольным¹. В Поднебесной мягкое всегда одерживает верх над твердым.

Руководитель Института международных проблем Университета Цинхуа Янь Сюетун считает, что комплексная сила страны сочетает «жесткую» и «мягкую силу» не как сумму, а как произведение двух компонентов. Соответственно при утрате «мягкой» или «жесткой силы» совокупная национальная мощь становится равной нулю. Такой подход соответствует пониманию Дж. Наем «умной силы» — способности объединять «жесткие» и «мягкие» ресурсы власти в успешные стратегии (smart power).

* * *

В теории международных отношений известны два основных подхода к пониманию силы участников международных отношений: атрибутивный и бихевиоральный. Атрибутивный подход характерен для политического реализма. Он рассматривает силу как неотъемлемое свойство международного актора, как нечто присущее ему изначально. Основным компонентом силы в атрибутивном понимании являются ресурсы: солдаты, танки, самолеты, надводные корабли, подводные лодки и ядерные боеголовки. Поведенческий подход уделяет основное внимание мотивации международных акторов, их воле к победе, особенностям восприятия международной ситуации и национальной идентичности. На наш взгляд, атрибутивный и поведенческий подходы применимы не только к «жесткой», но и к «мягкой силе».

Одним из важных факторов привлекательности и убедительности, а следовательно, и «мягкой силы» государства на международной арене является его национальная идентичность. Конечно, привлекает к себе не всякая идентичность, а только позитивная, сопровождающаяся чувством гордости от осознания принадлеж-

¹ Косачев К.И. Не рыбу, а удочку. В чем состоит особенность «мягкой силы» России // Россия в глобальной политике. 04.09.2012. Доступ: <http://globalaffairs.ru/number/Ne-rybu-a-udochku-15642> (дата обращения: 13.11.2014).

ности к определенной нации, понимания ее лидерства, значимости для мирового сообщества, сопричастности магистральным путям развития человеческой цивилизации. Привлекать может также сильная и четкая национальная идентичность, опирающаяся на исторические традиции, подкрепленная победами и достижениями. Кроме того, важна способность предлагать привлекательные пути развития для народов и брать ответственность за свои действия. И наоборот, вряд ли будут обладать привлекательностью, а следовательно, и «мягкой силой» государства с неясной, диффузной, негативной идентичностью, сопровождающейся чувством стыда от осознания принадлежности к определенному государству или вины за представителей собственного народа.

Национальная идентичность — культурная норма, отражающая эмоциональные реакции индивидов по отношению к своей нации и национальной политической системе [Tsygankov, 2001: 15]. Когда международные отношения стабильны, проблемы идентичности не возникает, поскольку каждый знает и ощущает свою принадлежность. Однако в смутные времена перемен и потрясений вопрос об идентичности выходит на первый план. Он задает направление развитию, позволяет четко определить национальные интересы, отличить друзей от врагов. По мнению конструктивистов, корни национальных интересов лежат в идентичности государств: представлении государства о себе, о системе и своем месте в ней [Цыганков, 2007: 295].

Проявления национальной идентичности — это чувства принадлежности, включенности или, наоборот, отторжения. Различают две характеристики национальной идентичности — общность и отличительность. Общность — степень гомогенности (однородности) нации, которая достигается мифами и представлениями о своей истории, территории, институтах, языке и религии. Она отражает внутреннее измерение национальной идентичности. Отличительность показывает, насколько похожа данная нация на другие или отлична от них.

Идентичность ситуационна. Русскими мы чувствуем себя, когда выезжаем за рубеж. Чтобы подчеркнуть независимость Пакистана от Индии, основатели Пакистана во главу угла ставили свою исламскую идентичность. Но когда мусульманская же Бангладеш стала обосновывать свое право на независимость от Пакистана, основной акцент она сделала на особенностях собственного языка и культуры. Арабы говорят: «Мы с моим братом против ваших братьев, мы с вашими братьями против всего мира». Для французов и немцев европейская идентичность становится важнее в случае взаимодействий с Китаем или США.

«Мягкая сила» государства реализуется лишь тогда, когда она воспринимается другими участниками международных отношений. В наибольшей степени государство заинтересовано в оказании влияния на так называемых значимых Других. «Значимые Другие» в международных отношениях — это государства, признания которых добиваются, мнением которых дорожат, которые оказывают влияние на формирование идентичности. Например, на формирование европейской идентичности оказала влияние Османская империя. Для России таким «значимым Другим» является Запад, но и для Запада «значимым Другим» всегда была Россия [Нойманн, 2004: 29].

Различают несколько видов идентичности в современных международных отношениях. С точки зрения «мягкой силы» наиболее важны две из них: позитивная и негативная. Позитивная идентичность дает ощущение безопасности и стабильности, как это было, например, в имперский период Китая; негативная может сопровождаться ощущением неполноценности и даже стыда за свою страну. В качестве примера вспомним период «100 лет унижений» (1840—1949) в новой истории Китая [Грачиков, 2013b: 164].

Идентичность связана с «мягкой силой» посредством ценностей. Механизм действия «мягкой силы» государства заключается в трансляции собственных ценностей другим участникам международных отношений. Такая трансляция может осуществляться различными способами. Один из способов заключается в их пропаганде с помощью средств массовой информации и дипломатии; другой известен как «культурный империализм». Так называется практика продвижения и искусственного привнесения культуры одного государства в другое. Обычно свою культуру продвигает нация, наиболее мощная в экономическом или военном отношении. Еще один способ — возведение собственных ценностей в ранг абсолютных. Именно так действует европоцентризм — политическая *идеология*, в явной или неявной форме провозглашающая превосходство европейских народов и *западноевропейской цивилизации* над другими народами и цивилизациями в культурной сфере, превосходства образа жизни европейских народов, а также их особую роль в мировой истории. Исторический путь, пройденный западными странами, провозглашается единственно правильным или как минимум образцовым. Подобным философским мировоззрением является также китаецентризм — представление о том, что Китай находится в центре Вселенной (самоназвание Китая — Чжунго: «Чжун» — Центр, «го» — государство), а все остальное пространство населяют варвары, так как их экономическое, политическое и культурное развитие стоит на более низком уровне.

Китаецентризм — это не только мировоззрение, но и политика, проводимая китайскими правителями на протяжении веков в целях успешного управления своим обществом и сопредельными народами. С развитием общества происходила некоторая трансформация китаецентристских принципов, но китайское мировосприятие существенно не изменилось. Оно было лишь модифицировано с учетом принципиально нового соотношения сил в мире.

Если следовать наевскому определению «мягкой силы» как «способности влиять на других посредством сотрудничества в формировании программы действий», то «мягкая сила» предполагает способность не только продвигать свои ценности, но еще и уважать чужие. Ученик Конфуция Мэн-Цзы полагал, что «для приобретения Поднебесной существует путь — приобретение народа означает приобретение Поднебесной; для приобретения народа существует путь — приобретение сердец народа; для приобретения сердец народа существует путь — собирать все, что хочет народ, и отдавать ему, не осуществляя ничего, чего не любит народ» [Мэн-Цзы, 2000: 89]. По нашему мнению, односторонность действий, двойные стандарты, следование эгоистическим национальным интересам, свойственные западным странам, приводят к тому, что в способности уважать чужие ценности китайская «мягкая сила» превосходит западную. Рассмотрим особенности идентичности Китая, которые могут служить источником его «мягкой силы» [Кочетков, Цюн, 2007].

* * *

Языковые особенности идентичности Китая. Язык страны и степень его популярности в мире являются одними из наиболее важных инструментов «мягкой силы» [Леонова, 2013]. Н.М. Мухарямов выделяет следующие функции языка, имеющие приоритетное значение в рамках изучения «мягкой силы» [Мухарямов, 2011: 55].

Язык как средство доступа к культурным, образовательным, технологическим и другим ресурсам страны. Понимание и принятие культурного наследия подавляющего большинства стран требует от реципиента обязательного знания их языка, так как именно он часто является ключом к пониманию структуры культурной системы. Это становится возможным благодаря тому, что локальные языки наилучшим образом приспособлены для создания, воспроизводства и передачи конкретных культурных образцов.

Язык как маркер национальной и культурной идентичности. Язык является одной из важнейших составляющих национальной и культурной идентичности. Именно на основе языка человека относят к определенному этносу или нации. Изучая иностранный язык или заимствуя из него отдельные слова или выражения, че-

ловец выражает лояльность и интерес к его носителям, что и является показателем «мягкой силы».

Язык как инструмент формирования человеческой личности. Используемый человеком язык навязывает ему определенный стиль и методы поведения, коммуникации, принятия решений и т.д. [Тер-Минасова, 2000: 14].

Одной из важнейших функций языка и культуры вообще является его когнитивная функция, которая подразумевает определяющее влияние, оказываемое языком на процессы мышления, познания окружающего и внутреннего мира, мировосприятия и т.д. Язык — это матрица восприятия окружающего мира, фундамент для конструирования понятий, ценностей, суждений и мнений.

Еще в первой половине прошлого века Вильгельм фон Гумбольдт высказал идею о неразрывной связи внутренних языковых форм и «духа народа». Его последователи, Эдвард Сепир и Бенджамин Ли Уорф, пошли дальше, сформулировав теорию «лингвистического детерминизма», согласно которой языковые формы оказывают существенное обратное воздействие на перцептивные, мыслительные и вообще когнитивные процессы, формируя специфическую картину мира. Суть теории лингвистического детерминизма состоит в том, что язык является причиной различий познавательных процессов. По мнению ее авторов, язык — не только средство выражения, но и форма, определяющая образ наших мыслей. Грамматика сама формирует мысль, будучи программой и руководством мыслительной деятельности индивида. В книге «Грамматические категории» Бенджамин Ли Уорф писал: «Мы рассекаем природу по линиям, в соответствии с нашими языками. Категории и виды, которые мы извлекаем из мира природы, не находятся в ней. Напротив, мир — калейдоскопическое собрание впечатлений, которые мы пытаемся организовать нашим сознанием, а затем передать лингвистическими системами нашего языка. Мы разрезаем природу, раскладываем ее по концепциям и приписываем им значения, исходя из согласия всех членов общества. Мы не можем говорить иначе, кроме как в строгом соответствии с условиями этого соглашения» [Уорф, 1972: 45]. Или, как пишет С.Г. Тер-Минасова: «Язык — мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива» [Тер-Минасова, 2000: 15].

Отличительность китайской цивилизации от индоевропейской кроется в идеографическом письме. Иероглифы записывают не звуки и слоги, а морфемы, т.е. минимально значимые единицы языка, которые сразу передают смыслы. Пространственно-образное мышление китайца изначально отображалось в иероглифиче-

ской письменности, которая сохраняется без существенных изменений почти четыре тысячи лет [Крушинский, 2013: 67].

В китайском языке принято выделять девять групп диалектов. Эти группы отличаются друг от друга примерно в такой же степени, в какой нидерландский язык отличается от английского или итальянский от французского. Почему такие сильные различия диалектов не привели китайскую цивилизацию к расколу, как Римскую империю? Многие исследователи считают, что эти обстоятельства следует приписывать существованию единого общего книжного языка «веньянь», который не имеет собственного произношения, однако лексика и грамматика везде одинаковы.

Китайские иероглифы оказывают обратное воздействие на китайскую мысль. Она становится конкретно-символической. Конкретность мышления китайцев видна в глубоко укоренившейся привычке к точности, четкости и определенности дат, имен и событий. Их склонность к уточнению, детализации и конкретизации имеет место и в отношении к пространству. Например, распространенное в Китае ориентирование по сторонам света более конкретно, чем принятое на Западе (право/лево) [Ишутина, 2006: 67].

Влияние иероглифов на когнитивные процессы китайцев выражается в том, что они воспринимают действительность в высшей степени кропотливо и усложненно. В языковой коммуникации это проявляется в том, что китайцы придают большое, даже исключительное значение символическим формам. В китайской литературе чрезвычайно развито искусство намеков и недоговоренностей, иллюзий и скрытых цитат.

Письменность сыграла не последнюю роль в формировании психологического характера китайцев. Во-первых, особенности иероглифического письменного языка помимо географических барьеров и социокультурных традиций изолировали их от других «дальних» этносов, проживающих за пределами Восточной Азии, и за несколько тысяч лет создали огромные различия между Китаем и всем остальным миром. Во-вторых, существует прямая зависимость между письменным китайским языком, логикой мышления и мировосприятием жителей этой страны. Иероглифы в прямом и переносном смысле защищают Поднебесную от вторжения чужой культуры и навязывания западных традиций. Иностранные слова, записанные с помощью иероглифов, приобретают новое содержание и звучат в китайском контексте уже не столь убедительно и доказательно. Своей иероглифической письменностью Китай отгородился, как Великой китайской стеной, от культурного влияния «мягкой силы» всего остального мира.

Природно-географические особенности идентичности Китая. Влияние природно-географических условий на политику государства

известно с глубокой древности. Еще в VI в. до н.э. китайский мыслитель Сун Цзы составил описание шести типов местности и девяти типов пространства, которые должен знать стратег для успешного ведения войны [Китайская военная стратегия, 2004: 181–186]. В XIV в. арабский философ Ибн Хальдун связывал духовные силы человека с импульсом, исходящим от пространства [Ибн Хальдун, 2008: 187–217]. Фридрих Ратцель в работе «Политическая география» рассматривает государство как живой, укорененный в почве организм и формулирует семь основных законов пространственного роста государства, который он обуславливает в первую очередь ростом его культуры [Колосов, Мироненко, 2001: 37]. Основатель французской географической школы Поль Видаль де ла Блаш выделил особое направление, называя его «географическим possibiliзмом». Географическая среда трактуется им как резервуар, где спит заложенная природой энергия, и разбудить ее может только человек. Для обозначения влияния географической среды на человеческое общество евразиец П.Н. Савицкий ввел понятие «месторазвитие», впоследствии воспринятое Л.Н. Гумилевым [Гумилев, 2004], с которым он был лично знаком и вел переписку до конца своих дней. Месторазвитие — неповторимое сочетание ландшафтов, в котором развивается народ и которое определяет формы его хозяйственной деятельности, а следовательно, и особенности политического устройства [Савицкий, 1997]. Какое же влияние оказали природно-географические условия на идентичность и «мягкую силу» Китая?

Местом самоидентификации китайской цивилизации и китайского государства является Центральная равнина — Чжунюань, давшая название и самому государству Китай: Чжунго — Центральное государство [Лоу Яолян, 2002: 85]. В книгах по истории древнего и средневекового Китая понятия «Центральная равнина» и «династии Центральной равнины» используются как самоназвания Китая. В отличие от исторического географического понятия «Центральная равнина» не существует. На этом пространстве китайские географы выделяют Северо-Китайскую равнину (Huabei pingyuan), занимающую северную, центральную и частично южную части Центральной равнины, и равнину среднего и нижнего течения Янцзы (Changjiang zhongxiayou pingyuan). Исторически сложилось так, что на Центральной равнине всегда жил (и продолжает жить в XXI в.) титульный китайский этнос *хань*. За пределами этой равнины, т.е. на периферии, всегда обитали «варвары» (национальные меньшинства, в современной терминологии) и «внешние варвары» (иностранные государства). Центр — это всегда китайцы — ханьцы, периферия — это представители других этносов, проживающие сейчас в автономных районах. Связи Китая

с внешним миром также строятся по принципу взаимоотношений центра и периферии [Ли Шеньмин, 2011: 312].

Большая часть ранней истории Китая «разворачивалась» на просторах Центральной равнины и в течение 180 лет эпохи «Воюющих царств» (V–III вв. до н.э.), завершившись объединением пространства равнины и созданием в 221 г. до н.э. первого единого централизованного китайского государства — Империи Цинь. С этой даты берет отсчет имперский период развития Китая, который длился более 2 тыс. лет и завершился Синьхайской революцией 1911 г. Обширная территория, получившая современные очертания при последней династии Цин (1644–1911), и длительная история, связанная с ней, дают Китаю идентичность великой державы.

Равнинное местоположение, две великие реки (Хуанхэ и Чанцзян) и благоприятный климат способствовали тому, что основой жизнедеятельности китайской нации стало сельское хозяйство. Привязанность к земле как источнику существования способствовала оседлости и малой мобильности населения, нежеланию искать удачи в чужих краях. Сельский труд и деревенский образ жизни наложили определенный отпечаток на характер китайцев, которым свойственны консерватизм, скромность, довольство малым. В конечном счете земля стала основой мирной, неагрессивной природы как китайцев, так и самого государства.

Богатство природных условий и производимых продуктов гарантировало Китаю его образ жизни, труда, удовлетворение нужд за счет собственных ресурсов, что выработало у населения и правителей страны чувство самодостаточности. Одновременно из-за большого количества населения, ограниченности территории пахотных земель, необходимости проведения масштабных мелиоративных работ, многократности стихийных бедствий на всем протяжении истории Китая практически все династии вынуждены были заниматься в основном внутренними проблемами.

Подождоживая роль природно-географических факторов в формировании «мягкой силы» Китая, отметим, что они вооружили страну идентичностью великой державы. На протяжении тысячелетий разнообразие природно-географических условий обеспечивало независимость, устойчивость, длительность и непрерывность самостоятельного развития Китая, обусловило консервативный, оборонительный и неторговый характер китайской цивилизации. Богатство природных ландшафтов способствовало появлению многочисленных идеологических школ и направлений, лежащих в основе «мягкой силы» Поднебесной, таких как конфуцианство и легизм.

Конфуцианство и легизм — единство и борьба противоположностей. Конфуцианство в начале своего возникновения имело сакральные элементы. Более того, оно распространяло свои нормы

и ценности не только на сферу морали, но и на ритуалы, церемониалы, обряды, обычаи, право и по своей значимости, степени проникновения в душу и воспитания сознания народа, воздействию на формирование стереотипа поведения успешно играло роль религии [Переломов, 1981: 51–107]. Однако постепенно оно редуцировалось к светскому этико-политическому учению.

Политическим руководством современного Китая были взяты на вооружение основные принципы конфуцианства. Один из них — создание непротиворечивого единства. На практике он проявляется в возможности сочетания различных форм собственности и различных политических систем в границах единой конфуцианской цивилизации. Для современного Китая является обычным введение пакетов мер, кажущихся сторонним наблюдателям «противоречивыми», но на деле глубоко оправданных. Примером таких мер в политической сфере может служить принцип «одна страна — две системы» для районов Сянган (Гонконг) и Аомэнь (Макао)².

Еще один конфуцианский тезис «единения без унификации» [Переломов, 1998: 57] стал основой новой государственной идеологии, сформулированной в КНР в конце 2003 г., — идеологии «мирного возвышения». Исходным стал тезис о том, что Китай может быть сильным и могучим, не нанося при этом ущерба развитию соседних стран и мирового сообщества в целом. В современном политическом контексте эта фраза Конфуция истолкована как желание Китая укреплять мир, гармонию и сотрудничество с Западом (единение) без перехода на позиции союзника Запада и признания его ценностей (унификации). В интересах мирного возвышения партийное руководство предлагает Китаю «настойчиво добиваться, чтобы китайское мировоззрение единения без унификации разделялось и понималось народами всех стран мира и, далее, чтобы оно получило на практике коллективное признание всеми странами мира, сформировало соответствующий этому международный механизм и институты. Одновременно Китай должен настойчиво использовать китайское мировоззрение единения без унификации для борьбы с гегемонизмом и политикой силы, для

² Принцип «одна страна — две системы» был разработан Дэн Сяопином в 1970–1980-х годах. Этот принцип сделал возможным существование в рамках одной страны двух обществ. К одному обществу относится материк, где действует социалистический строй, а к другому — Гонконг и Макао с капиталистическим строем. В Гонконге и Макао действуют свои финансовые и налоговые системы. Их правительства сами устанавливают курс в сферах образования и культуры. Китайские специалисты указывают, что если бы пришлось менять социальную систему в бывшей британской и португальской колониях, то это привело бы к хаосу, ненужной панике и экономическому упадку этих территорий. Именно данный принцип сделал возможным сегодняшнее процветание Гонконга и Макао.

исправления несправедливых и неразумных элементов в международном порядке» [Ся Липин, Цзян Сиюань, 2004: 45].

Главной силой, противостоявшей конфуцианству в сфере политики, всегда были легисты. Концепция легизма, его теоретические положения были совершенно противоположны конфуцианскому учению. Если Конфуций и его последователи опирались на положения, согласно которым сначала необходимо создать идеальную теорию управления государством, а затем следовать ей, то легисты исходили из реальных требований времени. Влияние легизма на формирование китайской национальной идентичности, как доказывают многие специалисты, было огромным. Школа легизма сложилась в IV в. до н.э. Легисты отвергали управление, основанное на ритуалах и традициях, и отстаивали концепцию управления на основе законов. Они высмеивали рассуждения конфуцианцев о человеколюбии, долге, справедливости, братской любви, называя их «игрой в слова». Учение легистов имеет для Китая такое же значение, как взгляды Томаса Гоббса для Запада. В «Шан цзюнь шу» («Книга правителя области Шан») основоположник легизма Шан Ян необходимость управления на основе закона обосновывает тем, что человек от природы зол [Удальцов, 2007]. Заложенное в нем злое начало не может быть изменено воспитанием, но проявления его могут быть предотвращены строгими законами.

Однако противостояние конфуцианства и легизма — это борьба в рамках единой системы, способствующая поддержанию единства, а не распаду. Так, например, борются между собой Республиканская и Демократическая партии в США, не подвергая сомнению незыблемость американской демократии. В настоящее время противоречия между конфуцианством и легизмом решаются внешне парадоксальным, но характерным для страны образом. Система государственного управления современного Китая основана на принципах легизма, но логика, философия и представления о мире остаются конфуцианскими. Определяющим в сфере политической культуры для «мягкой силы» Китая стало парадоксальное сочетание конфуцианских принципов добродетельного правителя с легистскими принципами управления, основанными на силе и законе.

Особенности китайского менталитета. Одним из основных источников «мягкой силы» государства, от которого зависит его привлекательность в глазах других стран, является менталитет его народа. Немецкий философ Йохан Готфрид Гердер считал, что различие народов происходит из различия природных, исторических, социальных и психологических условий. Подчеркивая ценность национальных особенностей, он сравнивал народы со струнами арфы, на которой играет Бог [Herder, 1877–1913: 384]. Статус научного

понятия национальному характеру придал основатель классической экспериментальной психологии Вильгельм Вундт, автор 10-томной «Психологии народов» [Wundt, 1900–1920]. Сегодня, в эпоху глобализации, когда международные контакты стали намного интенсивнее, роль национального характера многократно возрастает. Исследователи выделяют такие основные особенности китайского национального характера, как эгоизм и эгоцентризм, аскетизм, общинность, прагматизм, китаецентризм [Ишутина, 2006; Кузнецов, 2014; Мэн Хунхуа, 2013b: 35].

Эгоизм и эгоцентризм — две главные черты, присущие большинству населения Китая³, которые выделил в своей самой известной книге «Сельский Китай» всемирно известный социолог Фэй Сяотун (1910–2005). Он связывал эти черты с деревенским укладом жизни рядового китайца, его сконцентрированностью на себе и своей семье. Проблема эгоизма зависит от того, как провести грань между группой и индивидом, между «собой» и «другими». Согласно Конфуцию путь всегда лежит от «себя» к семье, от семьи к государству, от государства ко всему миру. Фэй Сяотун пишет: «В этих эластичных сетях, которые образуют китайское общество, в центре каждой всегда находится “я”. Но это *не индивидуализм*, а *эгоцентризм*. Это очень точно описывает китайскую систему организаций — форму из разделенных кругов — ассоциаций различных типов. “Я” — всегда в центре, как сдержанная Северная звезда, “я” — всегда окруженная другими, которые находятся под влиянием центра» [Фэй Сяотун, 2008: 31].

Аскетизм проявляется у китайцев на самых различных уровнях: от личностного до государственного. На формирование этого качества оказала влияние и конфуцианская идеология, ориентировавшая сознание людей не на «прелести загробной жизни», а на довольство минимумом в повседневности. Она учила их видеть социальный идеал не в удовлетворении широко возникающих потребностей, а в достижении счастья с тем, что имелось. Простые китайцы привыкли считать, что счастье зависит не от внешних обстоятельств, а от них самих. В результате неприхотливость, умеренность, приспособляемость стали целым комплексом взаимосвязанных черт их национального характера. Конфуций говорил: «Рис и овощи для еды, вода для питья да голова на плечах — вот что необходимо мне для счастья» [Конфуций, 2011].

³ В Китае насчитывается 268 940 млн человек внутренних мигрантов (на конец 2013 г.), это 19,76% всего населения страны. Численность городского населения составляет 53,7%, но только 35,7% из них имеют городскую регистрацию (хукоу). Это значит, что в деревне продолжают жить и работать оставшиеся 46,3% населения (а с учетом мигрантов — 64,3%), или около 800 млн человек. К 2020 г. в городах будет проживать 60% населения страны и только 45% с соответствующей регистрацией (China's new plan targets quality urbanization. Xinhua. 03.17.2014).

Общинность. Сложные климатические и природные условия страны, особенно необходимость строительства ирригационных сооружений для защиты от стихийных бедствий, а также связанная с этим необходимость тяжелого труда обусловили ту исключительную роль, которую всегда играли в стране община и совместный труд. В результате у жителей Поднебесной сформировались и всегда очень ярко проявляются такие национально-психологические качества, как жесткая дисциплина, высокая степень зависимости индивида от группы, специфическая сплоченность на основе четкого распределения ролей, высокая степень доверия к мнению группы, а также особый характер сочувствия и переживания, проявляющиеся в межличностных отношениях.

Прагматизм. Ограниченность в ресурсах еды, полезных ископаемых, земли выработала у китайцев гипертрофированную бережливость, прагматизм и расчетливость. Прагматичный китаец рассчитывает до малейших деталей наиболее экономный путь для достижения своей цели. В условиях постоянного недоедания выросли поколения, которым было важно не тратить лишней энергии.

Китаецентризм. На протяжении веков культура Китая (материальная и духовная) была намного выше по сравнению с культурой окружающих его этносов, поэтому у правящих династий Поднебесной и у простых граждан Китая выработалось устойчивое чувство превосходства, оформившееся в китаецентризм — геополитическое представление о том, что Китай находится в центре Вселенной, а все остальное пространство населяют варвары. Одной из главных целей правителей страны считалось «преобразование варваров», приобщение их к китайской цивилизации. В течение длительного времени китайские правящие круги проводили целенаправленную политику по укоренению этих представлений среди народа [Кузнецов, 2014]. В результате китайцы просто не могли себе представить, что в мире может быть еще хотя бы одна страна, равная Китаю по мощи и развитию, тем более превосходящая его.

В китайской политической традиции понятия «мир» и «государство» не были четко разграничены. Китайский мир — это все, что находится на Земле, под Небом. В этом «поднебесье» есть ощущение пространства, в котором имеются «центр» и «периферия», и времени, представленного бесконечной длительностью истории Китая. Если стоять на горе в императорском саду Запретного города, то можно видеть комплекс зданий в виде квадрата, окруженный другим квадратом более высоких зданий, который в свою очередь тоже окружен квадратом еще более высоких зданий. Это и есть китайское представление о мире — бесконечном во времени и пространстве, с императорским дворцом в центре. *Это завер-*

шенное целое без какой-либо дихотомии. Таким образом, есть только *единственное «эго» без противоположного «другого»* [Qin Yaqing, 2010: 35].

* * *

На протяжении четырех тысячелетий Китай был «вселенной в себе», вовлекая в свою орбиту Корею, Вьетнам и Японию. Его культура столетиями оказывала влияние на музыку, танцы, живопись, религию, философию, архитектуру, театр, структуру и организацию общества и прежде всего на язык и литературу стран Восточной Азии. Китай считает себя хранителем древнейших традиций мира. Эта страна с ее миллиардным населением не чувствует ослабления своего духовного влияния, которое она оказывала на окружающие народы на протяжении всей своей истории. В современном Китае идут процессы, приводящие к возвращению идентичности превосходства и центральности.

Опыт Поднебесной показывает, что четко выраженная идентичность должна опираться на исторические традиции, учитывать природно-географические условия страны, особенности национального характера народа, его религии и политической культуры. Ни одна страна не может быть притягательной, не имея четкой идентичности. Прежде чем транслировать свою «мягкую силу» во внешней политике, каждое государство должно понимать, в каком направлении оно движется и какие цели преследует. Только так можно определить конкурентов и врагов, друзей и союзников. Тогда идентичность становится источником «мягкой силы» государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. СПб.: Медиум, 1995.
2. Братерский М.В., Скриба А.С. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. С. 130–150.
3. Ван Лицзю. О роли идейной традиции добрососедства во внешней политике современного Китая // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2005. № 2. С. 57–71.
4. Ван Сяочжэн. Данся Чжунго дуй чжили лилянцэ женьгун юй шисянь [Идентичность современного Китая, теория управления и ее реализация] // Чжэнчжоу дасюе сюебао (Чжэсюе шэхуэй сюебао) [Вестник Чжэнчжоуского университета (Философия. Социология)]. 2014. № 2. С. 68–98. (На кит. яз.)
5. Грачиков Е.Н. Китай как совсем «другое» Запада // Социология. 2013. № 4. С. 146–161.

6. Грачиков Е.Н. Проблемы новой формирующейся идентичности Китая в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 1. С. 159–171.
7. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, 2004.
8. Давыдов Ю. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 3–4 (34–35).
9. Ибн Хальдун. Введение (ал-Мукаддима) // Историко-философский ежегодник. М., 2008.
10. Ишутина Ю.А. К вопросу о формировании этнической идентичности китайцев // Россия и АТР. 2006. № 3. С. 67–71.
11. Китайская военная стратегия / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. В.В. Малявина. М.: АСТ, 2004.
12. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001.
13. Конфуций. Лунь Юй (Беседы и Суждения). М.: Азбука-Аттикус, 2011.
14. Кочетков В.В. Идентичность в международных отношениях: теоретические основы и роль в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2010. № 1. С. 5–26.
15. Кочетков В.В., Цюн В. Самоидентификация Китая: цивилизационно-культурный и исторический аспекты // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2007. № 2. С. 27–44.
16. Крушинский А.А. Логика древнего Китая. М.: ИДВ РАН, 2013.
17. Кузнецов Д.В. Китайский национализм и внешнеполитическая составляющая массового сознания жителей КНР // Современный Китай и его окружение / Отв. ред. Д.В. Кузнецов, Д.В. Буяров. М.: УРСС, 2014.
18. Лазунина И.В., Нагорной В.А., Рахмангулов М.Р. и др. Систематизация лучших зарубежных подходов к реализации политики «мягкой силы» // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. С. 180–195.
19. Леонова О.Г. Мягкая сила — ресурс внешней политики государства // Обозреватель — Observer. 2013. № 4. С. 27–40.
20. Ли Шеньмин. Цюаньцохуа бэйцзинсядэ Чжунго гоцзи чжаньлюе [Международная стратегия Китая в контексте глобализации]. Бэйцзин: Женьминь чубаньшэ, 2011. (На кит. яз.)
21. Лоу Яолян. Диюань чжэнчжи юй гофан чжаньлюе [Геополитика и стратегия национальной обороны Китая]. Тяньцзинь: Тяньцзинь чубаньшэ, 2002. (На кит. яз.)
22. Лю Цайци. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 149–155.
23. Лю Цзе. Гоцзи тиси юй Чжунгодэ жуаньлилян [Международная система и мягкая сила Китая]. Бэйцзин: Шиши чубаньшэ, 2006. (На кит. яз.)
24. Михневич С.В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики мягкой силы Китая // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. С. 110–129.
25. Мухарямов Н.М. Мотивы безопасности человека в дискурсах о языковой политике // Безопасность человека в контексте международ-

- ной политики: вопросы теории и практики: Мат-лы науч. семинара / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011.
26. Мэн Хунхуа. Лян гэ дацзюй шицзюе сядэ Чжунго гоцзя женьтун бяньцянь (1982–2012) [Изменение государственной идентичности Китая в контексте двух периодов (1982–2012)] // Чжунго шэхуй кэсюе [Общественные науки Китая]. 2013. № 9. С. 67–89. (На кит. яз.)
27. Мэн Хунхуа. Цюаньцю хуаюй Чжунго гоцзя женьтун [Глобальный язык государственной идентичности Китая] // Чжунго шэхуй сюэбао [Общественные науки Китая]. 2013. № 7. С. 27–38. (На кит. яз.)
28. Мэн-Цзы. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
29. Нойманн И. Использование «Другого». М.: Новое издательство, 2004.
30. Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России. М.: МГИМО-Университет, 2013.
31. Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М.: Наука, 1981.
32. Переломов Л.С. Конфуций. Лунь Юй. М.: Восточная литература, 1998.
33. Пэн Синьян. Веньхуа вайцзяо юй Чжунгодэ жуаньшили — ичжун цюаньцюхуадэ шицзе [Культурная дипломатия и мягкая сила Китая — глобальный взгляд]. 2008. (На кит. яз.)
34. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
35. Смирнова Л.Н. Предложения по улучшению образа России в Китае. М.: Спецкнига, 2014.
36. Сусоколов А.А. Культура и обмен: введение в экономическую антропологию. М.: Русская панорама, 2006.
37. Су Чанхэ. Чжунгодэ жуаньцюаньли цун гоцзи чжиду юй Чжунгодэ гуаньси вэйле [Мягкая сила Китая: на примере взаимодействия Китая с международной системой] // Гоцзи гуаньча [Международное обозрение]. 2007. № 2. С. 35–46. (На кит. яз.)
38. Ся Липин, Цзян Сиюань. Чжунго хэпин цзюеци [Мирное возвышение Китая]. Бэйцзин: Чжунго шэхуэй кэсюе чубаншэ, 2004. (На кит. яз.)
39. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.
40. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4 (25). С. 85–93.
41. Удалцов С.Ф. История политических и правовых учений (Древний Восток). СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2007.
42. Уорф Б.Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972.
43. Фан Хуа. Шинялай жуаньшили фачжань яньцзю цзунши [Обзор исследований развития мягкой силы Китая за последние 10 лет] // Сяндай гоцзи гуаньси [Современные международные отношения]. 2009. Доступ: <http://wuxizazhi.cnki.net/Search/XDGG200901012.html> (дата обращения: 15.11.2014). (На кит. яз.)
44. Филимонов Г.Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. М.: РУДН, 2010.

45. Фэй Сяотун. Сянтун Чжунго [Сельский Китай]. Бэйцзин: Женьминь чубаньшэ, 2008. (На кит. яз.)
46. Циндай чжэнчжи юй гоцзя женьтун [Политика и национальная идентичность Китая в эпоху династии Цин] / Ред. Лю Фэнъюнь, Дун Цзяньпэн. Бэйцзин: Шэхуэй кэсюе веньсянь чубаньшэ, 2011. (На кит. яз.)
47. Цзя Дунхан, Се Вэйминь. Чжунго гоцзя женьтундэ личень юй чжиюэ иньсу [Государственная идентичность Китая и ограничительные факторы] // Макэсы чжуи юй сяньши [«Марксизм и реальность»]. 2012. Доступ: http://www.cctb.net/llyj/llyj/llwz/201209/t20120914_34584.htm (дата обращения: 16.11.2014). (На кит. яз.)
48. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2007.
49. Чжан Гоцзо. Чжунго вэньхуа жуаньшили яньцзю баогао. 2010 [Доклад об исследованиях мягкой силы китайской культуры за 2010 год]. Бэйцзин: Шэхуэй кэсюе вэньсянь чубаньшэ, 2011. (На кит. яз.)
50. Bloom W. Personal identity, national identity and international relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
51. Confucianism for the Modern World / Ed. by A. Daniel Bell and Hahn Chaibong. Cambridge, 2005.
52. Herder J.G. Ueber die Faehigkeit zu sprechen und zu horen (1795) // Herder Johann Gottfried. Samtliche Werke. Bd. 18. Berlin: B. Suphan, 1877–1913.
53. Hopf T. Social constructions of international politics. Identities and foreign policies, Moscow, 1955 and 1999. Ithaca; London: Cornell University Press, 2002.
54. Nye J. The future of power. New York: Public Affairs, 2011.
55. Nye J. Soft power // Foreign Policy. 1990. No. 80. P. 153–171.
56. Nye J. Soft power: the means to success in world politics. New York: Public Affairs, 2004.
57. Pan Zhongqi. Conceptual gaps in China-EU relations: global governance, human rights and strategic partnership. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012.
58. Prizel I. National identity and foreign policy: nationalism and leadership in Poland, Russia and Ukraine. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
59. Qin Yaqing. Why is there no Chinese international relations theory? // Non-Western international relations theory: perspectives on and beyond Asia / Ed. by A. Acharya and B. Buzan. London; New York, 2010.
60. Shih Shih-yu. Sinicizing international relations: self, civilization, and intellectual politics in Suboltern Asia. New York: Palgrave Macmillan, 2013.
61. Soft power in China and international relations / Ed. by Hongyi Lai and Yiyi Li. London; New York: Routledge, 2012.
62. Soft power in China: public diplomacy through communication / Ed. by Jiang Wang. New York: Palgrave Macmillan, 2011.
63. Treverton G.F., Jones S.G. Measuring national power. Conference Proceedings. Santa Monica, Ca., etc.: RAND Corporation, 2005. Available at: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/conf_proceedings/2005/RAND_CF215.pdf (accessed: 18.11.2014).
64. Tsygankov A.P. Pathways after Empire. National identity and foreign economic policy in the Post-Soviet World. Lanham: Rowman & Littlefield Publisher, Inc., 2001.

65. Wendt A. Social theory of international politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

66. Wundt W. *Völkerpsychologie*. Bd 10. Leipzig: Engelmann, 1900–1920.

V.V. Kochetkov, E.N. Grachikov

IDENTITY AS A SOURCE OF CHINA'S SOFT POWER

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The concept of 'soft power' introduced by the American political scientist J.S. Nye to justify and to strengthen the global leadership of the United States, has also gained ground in other countries. Notably, it is frequently used to characterize the foreign policy of the People's Republic of China. This paper examines the unique Chinese national identity, which, from the authors' point of view, forms the basis of China's 'soft power'. The paper starts with an overview of the main approaches to studying the 'national identity' phenomenon, its formation, basic types and manifestations. Then the authors examine the main features of the Chinese national identity: linguistic (particularly, the role of hieroglyphic script in the formation of the Chinese mentality), natural and geographical, political and philosophical (with special reference to Confucianism and Legalism). The authors highlight such distinctive features of the Chinese mentality as egocentrism and Sinocentrism, asceticism, communalism, pragmatism. All these features are also inherent in the China's foreign policy, contributing to its depth and 'soft power'.

Keywords: China, PRC, 'soft power', foreign policy, national identity, mentality, Sinocentrism, Confucianism, Legalism, 'significant other'.

About the authors: *Vladimir V. Kochetkov* — Doctor of Sciences (Sociology), Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vkochetkov58@mail.ru); *Evgenii N. Grachikov* — PhD (Politics), Senior Research Fellow at the Chair of Sociology of International Relations, School of Sociology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: egrachikov@gmail.com).

Acknowledgements: This work has been supported by a grant from the President of the Russian Federation for leading research schools of the Russian Federation (NSH-2427.2014.6).

REFERENCES

1. Berger P., Lukmann T. 1995. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality: treatise on sociology of knowledge]. St. Petersburg, Medium Publ. (In Russ.)

2. Braterskiy M.V., Skriba A.S. 2014. Kontseptsiya 'myagkoi sily' vo vneshepoliticheskoi strategii SSHA [Concept of 'soft power' in foreign policy strategy

- of the United States]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, vol. 9, no. 2, pp. 130–150. (In Russ.)
3. Wang Lijiu. 2005. O roli ideinoi traditsii dobrososedstva vo vneshnei politike sovremennogo Kitaya [On the role of ideological tradition of neighborliness in contemporary Chinese foreign policy]. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Politology*, no. 2, pp. 57–71. (In Russ.)
4. Wang Xiaozheng. 2014. Dangxia Zhongguo dui zhili liliang de rentong yu shixian [Identity of modern China, theory of management and its implication]. *Zhengzhou daxue xuebao (Zhexue shehui xuebao)* [Journal of Zhengzhou University (Philosophy and Sociology)], no. 2, pp. 68–98. (In Chinese.)
5. Grachikov E.N. 2013a. Kitai kak sovsem ‘drugoe’ Zapada [China as the ‘significant other’ of the West]. *Sotsiologiya*, no. 4, pp. 146–161. (In Russ.)
6. Grachikov E.N. 2013b. Problemy novoi formiruyushcheysya identichnosti Kitaya v mirovoi politike [China’s emerging identity in world politics]. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Politology*, no. 1, pp. 159–171. (In Russ.)
7. Gumilev L.N. 2004. *Etnogenez i biosfera zemli* [Ethnogenesis and biosphere]. Moscow, AST Publ. (In Russ.)
8. Davydov Yu.P. 2004. Ponyatie ‘zhestkoi’ i ‘myagkoi’ sily v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [The notion of ‘hard’ and ‘soft’ power in theory of international relations]. *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 2, no. 1 (4), pp. 69–80. (In Russ.)
9. Ibn Khal’dun. 2008. Vvedenie (al-Mukaddima) [Introduction]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik*. Moscow. (In Russ.)
10. Ishutina Yu.A. 2006. K voprosu o formirovaniy etnicheskoi identichnosti kitaitsev [On the formation of Chinese ethnic identity]. *Rossiya i ATR*, no. 3, pp. 67–71. (In Russ.)
11. *Kitaiskaya voennaya strategiya* [Chinese military strategy]. 2004. Moscow, AST Publ. (In Russ.)
12. Kolosov V.A., Mironenko N.S. 2001. *Geopolitika i politicheskaya geografiya* [Geopolitics and political geography]. Moscow, Aspekt Press. (In Russ.)
13. Konfutsii. 2011. *Lun’ Yui (Besedy i Suzhdeniya)* [Analects of Confucius]. Moscow, Azbuka-Attikus Publ. (In Russ.)
14. Kochetkov V.V. 2010. Identichnost v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: tereticheskiye osnovy i rol v mirovoi politike [Identity in international relations: theoretical foundations and role in world politics]. *Moscow State University Bulletin. Series 25. International Relations and World Politics*, no. 1, pp. 5–26. (In Russ.)
15. Kochetkov V.V., Tsyun V. 2007. Samoidentifikatsiya Kitaya: tsivilizatsionno-kul’turnyi i istoricheskii aspekty [China’s self-identification: civilization-cultural and historical aspects]. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Politology*, no. 2, pp. 27–44. (In Russ.)
16. Krushinskii A.A. 2013. *Logika drevnego Kitaya* [Logic in ancient China]. Moscow, IDV RAN Publ. (In Russ.)
17. Kuznetsov D.V. 2014. Kitaiskii natsionalizm i vneshnepoliticheskaya sostavlyayushchaya massovogo soznaniya zhitelei KNR [Chinese nationalism and foreign-policy component in the mass consciousness of the Chinese people]. In D.V. Kuznetsov, D.V. Buyarov (eds.). *Sovremenniy Kitai i ego okruzhenie* [Contemporary China and its environment]. Moscow, URSS Publ. (In Russ.)

18. Lazunina I.V., Nagornoi V.A., Rakhmangulov M.R., Sakharov A.G., Shelepov A.V. 2014. Sistematizatsiya luchshikh zarubezhnykh podkhodov k realizatsii politiki 'myagkoi sily' [A systemization of the best 'soft power' practices]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, vol. 9, no. 2, pp. 180–195. (In Russ.)
19. Leonova O. 2013. Myagkaya sila — resurs vneshnei politiki gosudarstva [Soft power as a foreign policy resource]. *Obozrevatel' — Observer*, no. 4, pp. 27–40. (In Russ.)
20. Li Shenming. 2011. *Quanqiuhua beijingxiade Zhongguo guoji zhanlue* [China's international strategy in the context of globalization]. Beijing, Renmin chubanshe Publ. (In Chinese.)
21. Lou Yaoliang. 2002. *Diyuan zhengzhi yu guofang zhanlue* [Geopolitics and China's national defence strategy]. Tianjin, Tianjin chubanshe Publ. (In Chinese.)
22. Lyu Tszaiti. 2009. 'Myagkaya sila' v strategii razvitiya Kitaya ['Soft power' in China's development strategy]. *Polis. Politicheskije issledovaniya*, no. 4, pp. 149–155. (In Russ.)
23. Liu Jie. 2006. *Guoji tixi yu Zhongguo de ruanliliang* [International system and 'soft power' of China]. Beijing, Shishi chubanshe Publ. (In Chinese.)
24. Mikhnevich S.V. 2014. Panda na sluzhbe Drakona: osnovnye napravleniya i mekhanizmy politiki myagkoi sily Kitaya [The Panda in the Dragon's service: the main directions and mechanisms of China's soft power policy]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, vol. 9, no. 2, pp. 110–129. (In Russ.)
25. Mukharyamov N.M. 2011. *Motivy bezopasnosti cheloveka v diskursakh o yazykovo politike. Bezopasnost' cheloveka v kontekste mezhdunarodnoi politiki: voprosy teorii i praktiki* [Human security motives in discourses on language politics: Human security in the context of international politics: theory and practice]. Moscow, Moscow University Press. (In Russ.)
26. Meng Honghua. 2013a. Liangge daju shijue xiade Zhongguo guojia rentong bianqian (1982–2012) [Changes in China's state identity in the context of two phases (1982–2012)]. *Zhongguo shehui kexue* [Social Sciences of China], no. 9, pp. 67–89. (In Chinese.)
27. Meng Honghua. 2013b. Quanqiu huayu Zhongguo guojia rentong [Global language of China's state identity]. *Zhongguo shehui xuebao* [Social Sciences of China], no. 7, pp. 27–38. (In Chinese.)
28. *Men-Tszy* [Meng-Zi]. 2000. St. Petersburg, Peterburgskoye vostokovedeniye Publ. (In Russ.)
29. Noymann I. 2004. *Ispolzovanie 'Drugogo'* [Uses of the 'Other']. Moscow, Novoye izdatelstvo Publ. (In Russ.)
30. Parshin P.B. 2013. *Problematika 'myagkoi sily' vo vneshnei politike Rossii* ['Soft power' in Russia's foreign policy]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ. (In Russ.)
31. Perelomov L.S. 1981. *Konfutsianstvo i legizm v politicheskoi istorii Kitaya* [Confucianism and Legalism in China's political history]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
32. Perelomov L.S. 1998. *Konfutsii. Lun' yui* [Confucius. Lun yu]. Moscow, Vostochnaya literature Publ. (In Russ.)
33. Peng Xinliang. 2008. *Wenhua waijiao yu Zhongguo ruanshili — yizhong quanqiuhuade shijie* [Cultural diplomacy and 'soft power' of China — overview]. (In Chinese.)

34. Savitskii P.N. 1997. *Kontinent Evraziya* [Eurasia]. Moscow, Agraf. Publ. (In Russ.)
35. Smirnova L.N. 2014. *Predlozheniya po uluchsheniyu obraza Rossii v Kitae* [Proposals for improving Russia's image in China]. Moscow, Spetskniga Publ. (In Russ.)
36. Susokolov A.A. 2006. *Kul'tura i obmen: vvedenie v ekonomicheskuyu antropologiyu* [Culture and exchange: introduction to economic anthropology]. Moscow, Russkaya panorama Publ. (In Russ.)
37. Su Changhe. 2007. Zhongguo de ruanquanli cong guoji zhidu yu Zhongguo de guanxi weilie ['Soft power' of China: the case of relations between China and international system]. *Guoji guancha* [International Review], no. 2, pp. 35–46. (In Chinese.)
38. Xia Liping, Jiang Xiyuan. 2004. *Zhongguo heping jueqi* [Peaceful rise of China]. Beijing, Zhongguo shehui kexue chubanshe Publ. (In Chinese.)
39. Ter-Minasova S.G. 2000. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. Moscow, Slovo Publ. (In Russ.)
40. Torkunov A.V. 2012. Obrazovanie kak instrument 'myagkoi sily' vo vneshnei politike Rossii [Education as 'soft power' tool in Russia's foreign policy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 4 (25), pp. 85–93. (In Russ.)
41. Udaltsov S.F. 2007. *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii (Drevnii Vostok)* [History of political and juridical doctrines (Ancient Near East)]. St. Petersburg, SPbGU Publ. (In Russ.)
42. Uorf B.L. 1972. Grammaticheskie kategorii [Grammatical categories]. In *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of typological classification of different language systems]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
43. Fang Hua. 2009. Shinian lai ruanshili fazhan yanjiu zongshi [Ten-year review of studies of China's 'soft power']. *Xiandai guoji guanxi* [Contemporary International Relations]. Available at: <http://wuxizazhi.cnki.net/Search/XDGG200901012.html> (accessed: 15.11.2014). (In Chinese.)
44. Filimonov G. 2010. 'Myagkaya sila' kul'turnoi diplomatii SShA ['Soft power' of the US cultural diplomacy]. Moscow, Rossiiskii universitet druzhby narodov Publ. (In Russ.)
45. Fei Xiaotong. 2008. *Xiangtu Zhongguo* [Rural China]. Beijing, Renmin chubanshe Publ. (In Chinese.)
46. Liu Fengyun, Dong Jiapeng (eds.). 2011. *Qingdai zhengzhi yu guojia rentong* [Policy and China's national identity in Qing dynasty]. Beijing, Shehui kexue wenxian chubanshe Publ. (In Chinese.)
47. Jia Donghan, Xie Weimin. 2012. Zhongguo guojia rentong de lichen yu zhiyue yinsu [State identity of China and its constraints]. *Makesi zhuyi yu xianshi* [Marxism and Reality]. Available at: http://www.cctb.net/llyj/llyj/llwz/201209/t20120914_34584.htm (accessed: 16.11.2014). (In Chinese.)
48. Tsygankov P.A. 2007. *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii* [Theory of international relations]. Moscow, Gardariki Publ. (In Russ.)
49. Zhan Guojiu. 2011. *Zhongguo wenhua ruanshili yanjiu baogao. 2010* [2010 report on studies of 'soft power' of the Chinese culture]. Beijing, Shehui kexue wenxian chubanshe Publ. (In Chinese.)

50. Bloom W. 1996. *Personal identity, national identity and international relations*. Cambridge, Cambridge University Press.
51. Bell D.A., Hahm Chaibong (eds.). 2005. *Confucianism for the modern world*. Cambridge.
52. Herder J.G. 1877–1913. Ueber die Faehigkeit zu sprechen und zu horen (1795). In Herder J.G. *Samtliche Werke*. Bd 18. Berlin, B. Suphan.
53. Hopf T. 2002. *Social constructions of international politics. Identities and foreign policies, Moscow, 1955 and 1999*. Ithaca, London, Cornell University Press.
54. Nye J. 2011. *The future of power*. New York, Public Affairs.
55. Nye J. 1990. Soft power. *Foreign Policy*, no. 80, pp. 153–171.
56. Nye J. 2004. *Soft power: the means to success in world politics*. New York, Public Affairs.
57. Prizel I. 1998. *National identity and foreign policy: nationalism and leadership in Poland, Russia and Ukraine*. Cambridge, Cambridge University Press.
58. Pan Zhongqi. 2012. *Conceptual gaps in China-EU relations: global governance, human rights and strategic partnership*. Basingstoke, Palgrave Macmillan.
59. Qin Yaqing. 2010. Why is there no Chinese international relations theory? In Acharya A., Buzan B. (eds.). *Non-Western international relations theory: perspectives on and beyond Asia*. London, New York.
60. Shih Shih-yu. 2013. *Sinicizing international relations: self, civilization, and intellectual politics in Suboltern Asia*. New York, Palgrave Macmillan.
61. Hongyi Lai, Yiyi Li (eds.). 2012. *Soft power in China and international relations*. London, New York, Routledge.
62. Jiang Wang (ed.). 2011. *Soft power in China: public diplomacy through communication*. New York, Palgrave Macmillan.
63. Treverton G.F., Jones S.G. 2005. *Measuring national power. Conference Proceedings*. Santa Monica, Ca., RAND Corporation. Available at: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/conf_proceedings/2005/RAND_CF215.pdf (accessed: 18.11.2014).
64. Tsygankov A.P. 2001. *Pathways after Empire. National identity and foreign economic policy in the Post-Soviet World*. Lanham, Rowman & Littlefield Publisher, Inc.
65. Wendt A. 1999. *Social theory of international politics*. Cambridge, Cambridge University Press.
66. Wundt W. 1900–1920. *Völkerpsychologie*. Bd 10. Leipzig, Engelmann.